

КАФЕДРА

Заметки читателя

К 115-летию со дня рождения Анны Ахматовой

Михаил Ардов (протоиерей)

Михаил Ардов – автор замечательных книг про легендарную Ордынку и «Монографии о графомане», недавно вышедшей в издательстве «Захаров».

«NG-ex libris» представляет читателям главы из его новой книги «Улыбка и мурлыканье. Заметки читателя», название которой восходит к словам Владимира Набокова: «Пьесы Гоголя это поэзия в действии, а под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи. Истинная поэзия такого рода вызывает не смех и не слезы, а сияющую улыбку беспредельного удовлетворения, блаженное мурлыканье, и писатель может гордиться, если он способен вызвать у своих читателей, или, точнее говоря, у кого-то из своих читателей такую улыбку и мурлыканье».

Книга «Улыбка и мурлыканье», как почти все, что пишет Михаил Ардов, озарена присутствием великолепной Анны Андреевны.

В свое время в архиве Ахматовой был обнаружен, а затем и опубликован любопытнейший прозаический отрывок:

«Итак, в 8-й главе между Пушкиным и Онегиным можно поставить знак равенства. Пушкин (не автор романа) целиком вселяется в Онегина, мечется с ним, тоскует, вспоминает прошлое:

То видит он врагов забвенных, Клеветников и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круж товарищей презренных...

Разве это не пушкинские воспоминания? Никаких презренных товарищей у пустынного Онегина мы не знаем. Каверин? Автор романа? В никаком кругу этот нелюди как будто не враждовал. И разве не так на два года раньше, в 28 году, вспоминает сам Пушкин свою жизнь? Ср., например, «Воспоминание», где в той же тональности сказано почти то же самое:

Я слышу вокруг меня жуужанье клеветы Решенья глупости лукавой, И шопот зависти, и легкой сумяти

Упрек жестокий и кровавый, — (1828)

и уже в 1820: «И вы забыты мной, изменницы младые» («Погасло дневное светило»). И в 1821: «Мой друг, забыты мной следы минувших лет».

Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает

Ахматова говорила: «Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает ему собственных «изменниц молодых»

ему собственных «изменниц молодых».

Последняя фраза приводит меня в восхищение.

Не так давно я припомнил эту запись Ахматовой в то время, как в очередной раз перечитывал «Мертвые души». Там есть одно удивительное место – Чичиков сидит в гостиничном номере и рассматривает списки умерших мужиков:

«Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: "Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! Что вы, сердечные мои, поделивали на веку своем? как перебивались? <...>

Григорий Доезжай-не-доедеш! Ты что был за человек? Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогатую кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку.

На дороге ли ты отдал душу Богу, или уходишь тебя твои же приятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или притяделись лесному бродяге ременные твои рукавицы и тройка приземистых, но крепких коньков, или, может быть, и сам, лежа на полатах, думал, думал, да ни с того, ни с другого заворотил в кабак, а потом прямо в прорубь, и поминай как звали. Эх, русский народ! не любит умирать своей смертью!» А вы что, мои голубчики? – продолжал он, переводя глаза на бумажку, где были помечены беглые души Плюшкина, – вы хоть и в живых еще, а что в вас толку! то же, что и мертвые, и где-то носят вас теперь ваши быстрые ноги? Плохо ли вам было у Плюшкина или просто, по своей охоте гуляете по лесам да дерете проезжих? По тюрьмам ли сидите или пристали к другим господам и пашете землю? Еремей Карякин, Никита Волокита, сын его Антон Волокита – эти и по прозвищу видно, что хорошие бегуны. Попов, дворовый человек, должен быть грамотей: ножа, я чай, не взял в руки, а проворовался благородным образом. Но вот уж тебя, беспашпортного, поймал капитан-исправник. Ты стоишь бодро на очной ставке. "Чей ты?" – говорит капитан-исправник, свернувши тебе при сей верной оказии кое-какое крепкое словцо. – "Такого-то и такого-то помещика", – отвечаешь ты бойко. – "Зачем ты здесь?" – говорит капитан-исправник. "Отпущен на оброк", – отвечаешь ты без записки.

– "Где твой паспорт?" – "У хозяина, мещанина Пименова". "Позвать Пименова. Ты Пименов?" – "Я Пименов". – "Давал он тебе паспорт свой?" – "Нет, не давал он мне никакого паспорта". – "Что ж ты врешь?" – говорит капитан-исправник с прибавкою кое-какого крепкого словца. – "Так точно, – отвечаешь ты бойко, – я не давал ему, потому что пришел домой поздно, а отдал на подержание Антипу Прохорову, звонарю". – "Позвать звонаря! Давал он тебе паспорт?" – "Нет, не получал я от него паспорта" <...> "Ах, ты бестия, бестия! – говорит капитан-исправник, покаявша головою и вставшись под бока. – А набейте ему на ноги колодки да сведите в тюрьму". – "Извольте! я с удовольствием", – отвечаешь ты. И вот, вынувши из кармана табакерку, ты потчевашь дружелюбно каких-то двух инвалидов, набивающих на тебя колодки, и расспрашивашь их, давно ли они в отставке и в какой войне бывали. И вот ты себе живешь в тюрьме, покамест в суде произведешь твое дело. И пишет суд: препроводить тебя из Царевкокшайска в тюрьму такого-то города, а тот суд пишет опять: препроводить тебя в какой-нибудь

с Чичиковым своим гениальным писательским даром.

Смолоду я знал о существовании весьма занятной книги воспоминаний академика Алексея Николаевича Крылова. Мне было известно, что там содержится много исторических анекдотов, до которых я всегда был охотник. Но годы шли, меуары эти мне не попадались, а пойти ради них в библиотеку я так и не собрался. Но вот совсем недавно на книжном развале я заметил красный переплет с надписью «А.Н.Крылов, Мои воспоминания» (Л., 1979). Я тут же это издание купил и принялся читать. Интересных историй там предостаточно, но на меня самое большое впечатление произвела вот такая: «У меня с детства врезался в память такой рассказ. Идя походом из Казани в Пензу, Пугачев взял Алатайр. Прежде всего он велел отрубить голову горюничему, а на утро следующего дня согнать народ на собор приносить присягу. Собрался народ, собор пополнен, только посредине дорожка оставлена, царские двери в Алатайр открыты. Вошел Пугачев и, не снимая шапки, прошел прямо в Алатайр и сел на Престол; весь народ, как увидел это, так и упал на колени – ясное дело, что истинный царь; тут же все и присягу приняли, а после присяги народу "Милостивый манифест" читали».

Я тут же вспомнил, что нечто подобное мне известно: историю о таком же кощунстве приводит Владимир Иванович Даль в своих «Воспоминаниях о Пушкине».

«Пушкин <...> хохотал от души следующего анекдоту: Пугач, воровавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церковь и на паперти, вошел также в церковь. Народ раступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в Алатайр, сел на церковный Престол и сказал вслух: "Как я давно не сидел на престоле!" В мужиком невежестве своем он воображал, что Престол церковный есть царское сиденье. Пушкин назвал его свиньей и много хохотал».

Слава Тебе Господи, в XVIII веке в России были не только такие священники, которые отворачивались перед самозванцем Алатайром. Сам Пушкин в своей «Истории Пугачева» (глава вторая) сообщает, что при взятии крепости Рассыпной «несколько офицеров и один священник были повешены». Можно с уверенностью предположить, что этот клирик самозванца в свой храм не пустил и за то поплатился жизнью. Жаль, что Пушкин не сообщает его имени, ведь речь идет об истинном исповеднике и мученике.

Но – увы! – таковых среди его собратьев почти не было, в той же «Истории» то и дело читаем: «Поп ожидал Пугачева с крестом и святыми иконами. Когда въехал он в крепость, начали звонить в колокола...» (Приезд самозванца в Сакмарский городок. Глава вторая).

«27 июля Пугачев вошел в Саранск. Я был встречен не только черным народом, но духовенством и купечеством...» (Глава осьмая).

«Церковная служба отправлялась ежедневно. На екстении поминали Государя Петра Федоровича и Супругу Его, Государыню Екатерину Алексеевну» (Описание жизни в Бердской слободе. Глава вторая).

Вольно было Пушкину смеяться над приведенным Далем «анекдотом», но на сей раз изложил поэту удивительные его проникательность и ум. Тут бы надо плакать над грядущим падением Российской Церкви и Империи, они с той поры не просуществовали и ста лет.

И стоит ли нам удивляться, что в XIX веке прямые потомки и наследники тех попов, что поминали «Государя Петра Федоровича» и открывали злодею Алатайра, признали законность преступной большевистской власти, наименовали кровавого монстра Сталина «богоданным вождем» и служили кощунственным панхидам по генсекам КПСС?



Анна Ахматова и Аня Каминская в Оксфорде. 1965 г.

стою, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса змеи твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав не есть от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

Тут надобно добавить, что и сама Ахматова «трусов и рабов» не жаловала.

Мандельштам в стихах высказывает своеобразную эстетическую теорию: «...красота не прихоть полубога, / А хищный глазомер простого столдаря».

Когда я прочел романы Набокова, собственно говоря, Сирин, мне захотелось поправить Осипа Эмильевича: «Красота – не прихоть полубога, а хищный глазомер охотника за бабочками».

Набоков язвительно отзывался о прозе Бориса Пастернака. В Post Scriptum к русскому изданию «Политы» он называет Живаго «лирическим доктором с лубочно-мистическими позымами, мещанскими оборотами речи и чаровницей из Чарской, который принес Советскому правительству столько добротной иностранной валюты». Столбовой двочник С.Г. Займовского «Крылатое слово» (М., 1930), а там на странице 194 я обнаружил такую цитату: «К трусам и к рабам/ Великолепное презрение».

Еще раз я вспомнил Ахматову, когда прочел у Вяземского упоминание о 1812 году: «Один из московских полицейстеров того времени говорил перед вступлением неприятеля в Белокаменную: "Вот оказия! Сколько лет я нахожусь на службе в этой должности. Мало чего не было! Но ничего подобного этому не видал»».

Анна Андреевна эту запись очень любила и, бывало, цитировала.

В «застольной летописи», там, где Вяземский ведет речь о едоках и обедах, читаем: «Нельзя пропустить Пушкина в этом съестном очерке. Он вовсе не был лакомка. Он даже, думаю, не ценил и не хорошо постигал тайн поваренного искусства, но на иные вещи был ужасный прожора. Помню, как в дороге

съел он почти одним духом двадцать персиков, купленных в Торжке. Моченым яблокам также доставалось от него нередко».

Прочитав это, я тут же вспомнил запись из дневника опочечного мещанина Ивана Игнатьевича Лапина, она опубликована в двухтомнике «А.С. Пушкин в воспоминаниях современников» (М., 1974): «1825 год. 29 мая в Св. Горах был о девяти пятнице... и здесь имел счастье видеть Александра Сергеевича Г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странно своею одеждою, а на прим. у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубую ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными чор. бакенбардами, которые более походят на бороду так же с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом и я думаю около 1/2 дюжина».

Непонятно, куда смотрят пушкинисты? Мы почему-то не слышим о диссертации на тему «А.С. Пушкин и фрукты»...

У князя Петра Андреевича есть замечательное суждение о феминизме: «Женщины, синие чулочницы, или красивые чулочницы, или женщины политические, парламентские, департаментские – какие-то выродки, переставшие быть женщиной и неспособные быть мужчиною».

В этой связи мне вот что приходит в голову. У одной современной писательницы я обнаружил вопрос, который ей представляется риторическим: мужчина и женщина, кто же вас в конце концов рассудит?

И невдомек вопрошательнице, что суд этот давным-давно состоялся, тогда же был и вынесен приговор, как мужчине, так и женщине. Я имею в виду события, которые описываются в начале библейского повествования, в третьей главе книги «Бытия». Вот слова, которые произнес Бог после грехопадения прародителей: «Жене сказал: умножая умножи скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса змеи твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав не есть от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

Тут надобно добавить, что и сама Ахматова «трусов и рабов» не жаловала.

Мандельштам в стихах высказывает своеобразную эстетическую теорию: «...красота не прихоть полубога, / А хищный глазомер простого столдаря».

Когда я прочел романы Набокова, собственно говоря, Сирин, мне захотелось поправить Осипа Эмильевича: «Красота – не прихоть полубога, а хищный глазомер охотника за бабочками».

Набоков язвительно отзывался о прозе Бориса Пастернака. В Post Scriptum к русскому изданию «Политы» он называет Живаго «лирическим доктором с лубочно-мистическими позымами, мещанскими оборотами речи и чаровницей из Чарской, который принес Советскому правительству столько добротной иностранной валюты». Столбовой двочник С.Г. Займовского «Крылатое слово» (М., 1930), а там на странице 194 я обнаружил такую цитату: «К трусам и к рабам/ Великолепное презрение».

Михаил Ардов (протоиерей)

Михаил Ардов – автор замечательных книг про легендарную Ордынку и «Монографии о графомане», недавно вышедшей в издательстве «Захаров».

«NG-ex libris» представляет читателям главы из его новой книги «Улыбка и мурлыканье. Заметки читателя», название которой восходит к словам Владимира Набокова: «Пьесы Гоголя это поэзия в действии, а под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи. Истинная поэзия такого рода вызывает не смех и не слезы, а сияющую улыбку беспредельного удовлетворения, блаженное мурлыканье, и писатель может гордиться, если он способен вызвать у своих читателей, или, точнее говоря, у кого-то из своих читателей такую улыбку и мурлыканье».

Книга «Улыбка и мурлыканье», как почти все, что пишет Михаил Ардов, озарена присутствием великолепной Анны Андреевны.

В свое время в архиве Ахматовой был обнаружен, а затем и опубликован любопытнейший прозаический отрывок:

«Итак, в 8-й главе между Пушкиным и Онегиным можно поставить знак равенства. Пушкин (не автор романа) целиком вселяется в Онегина, мечется с ним, тоскует, вспоминает прошлое:

То видит он врагов забвенных, Клеветников и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круж товарищей презренных...

Разве это не пушкинские воспоминания? Никаких презренных товарищей у пустынного Онегина мы не знаем. Каверин? Автор романа? В никаком кругу этот нелюди как будто не враждовал. И разве не так на два года раньше, в 28 году, вспоминает сам Пушкин свою жизнь? Ср., например, «Воспоминание», где в той же тональности сказано почти то же самое:

Я слышу вокруг меня жуужанье клеветы Решенья глупости лукавой, И шопот зависти, и легкой сумяти

Упрек жестокий и кровавый, — (1828)

и уже в 1820: «И вы забыты мной, изменницы младые» («Погасло дневное светило»). И в 1821: «Мой друг, забыты мной следы минувших лет».

Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает

Ахматова говорила: «Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает ему собственных «изменниц молодых»

ему собственных «изменниц молодых».

Последняя фраза приводит меня в восхищение.

Не так давно я припомнил эту запись Ахматовой в то время, как в очередной раз перечитывал «Мертвые души». Там есть одно удивительное место – Чичиков сидит в гостиничном номере и рассматривает списки умерших мужиков:

«Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: "Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! Что вы, сердечные мои, поделивали на веку своем? как перебивались? <...>

Григорий Доезжай-не-доедеш! Ты что был за человек? Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогатую кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку.

Михаил Ардов (протоиерей)

Михаил Ардов – автор замечательных книг про легендарную Ордынку и «Монографии о графомане», недавно вышедшей в издательстве «Захаров».

«NG-ex libris» представляет читателям главы из его новой книги «Улыбка и мурлыканье. Заметки читателя», название которой восходит к словам Владимира Набокова: «Пьесы Гоголя это поэзия в действии, а под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи. Истинная поэзия такого рода вызывает не смех и не слезы, а сияющую улыбку беспредельного удовлетворения, блаженное мурлыканье, и писатель может гордиться, если он способен вызвать у своих читателей, или, точнее говоря, у кого-то из своих читателей такую улыбку и мурлыканье».

Книга «Улыбка и мурлыканье», как почти все, что пишет Михаил Ардов, озарена присутствием великолепной Анны Андреевны.

В свое время в архиве Ахматовой был обнаружен, а затем и опубликован любопытнейший прозаический отрывок:

«Итак, в 8-й главе между Пушкиным и Онегиным можно поставить знак равенства. Пушкин (не автор романа) целиком вселяется в Онегина, мечется с ним, тоскует, вспоминает прошлое:

То видит он врагов забвенных, Клеветников и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круж товарищей презренных...

Разве это не пушкинские воспоминания? Никаких презренных товарищей у пустынного Онегина мы не знаем. Каверин? Автор романа? В никаком кругу этот нелюди как будто не враждовал. И разве не так на два года раньше, в 28 году, вспоминает сам Пушкин свою жизнь? Ср., например, «Воспоминание», где в той же тональности сказано почти то же самое:

Я слышу вокруг меня жуужанье клеветы Решенья глупости лукавой, И шопот зависти, и легкой сумяти

Упрек жестокий и кровавый, — (1828)

и уже в 1820: «И вы забыты мной, изменницы младые» («Погасло дневное светило»). И в 1821: «Мой друг, забыты мной следы минувших лет».

Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает

Ахматова говорила: «Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает ему собственных «изменниц молодых»

ему собственных «изменниц молодых».

Последняя фраза приводит меня в восхищение.

Не так давно я припомнил эту запись Ахматовой в то время, как в очередной раз перечитывал «Мертвые души». Там есть одно удивительное место – Чичиков сидит в гостиничном номере и рассматривает списки умерших мужиков:

«Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: "Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! Что вы, сердечные мои, поделивали на веку своем? как перебивались? <...>

Григорий Доезжай-не-доедеш! Ты что был за человек? Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогатую кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку.

Михаил Ардов (протоиерей)

Михаил Ардов – автор замечательных книг про легендарную Ордынку и «Монографии о графомане», недавно вышедшей в издательстве «Захаров».

«NG-ex libris» представляет читателям главы из его новой книги «Улыбка и мурлыканье. Заметки читателя», название которой восходит к словам Владимира Набокова: «Пьесы Гоголя это поэзия в действии, а под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи. Истинная поэзия такого рода вызывает не смех и не слезы, а сияющую улыбку беспредельного удовлетворения, блаженное мурлыканье, и писатель может гордиться, если он способен вызвать у своих читателей, или, точнее говоря, у кого-то из своих читателей такую улыбку и мурлыканье».

Книга «Улыбка и мурлыканье», как почти все, что пишет Михаил Ардов, озарена присутствием великолепной Анны Андреевны.

В свое время в архиве Ахматовой был обнаружен, а затем и опубликован любопытнейший прозаический отрывок:

«Итак, в 8-й главе между Пушкиным и Онегиным можно поставить знак равенства. Пушкин (не автор романа) целиком вселяется в Онегина, мечется с ним, тоскует, вспоминает прошлое:

То видит он врагов забвенных, Клеветников и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круж товарищей презренных...

Разве это не пушкинские воспоминания? Никаких презренных товарищей у пустынного Онегина мы не знаем. Каверин? Автор романа? В никаком кругу этот нелюди как будто не враждовал. И разве не так на два года раньше, в 28 году, вспоминает сам Пушкин свою жизнь? Ср., например, «Воспоминание», где в той же тональности сказано почти то же самое:

Я слышу вокруг меня жуужанье клеветы Решенья глупости лукавой, И шопот зависти, и легкой сумяти

Упрек жестокий и кровавый, — (1828)

и уже в 1820: «И вы забыты мной, изменницы младые» («Погасло дневное светило»). И в 1821: «Мой друг, забыты мной следы минувших лет».

Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает

Ахматова говорила: «Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает ему собственных «изменниц молодых»

ему собственных «изменниц молодых».

Последняя фраза приводит меня в восхищение.

Не так давно я припомнил эту запись Ахматовой в то время, как в очередной раз перечитывал «Мертвые души». Там есть одно удивительное место – Чичиков сидит в гостиничном номере и рассматривает списки умерших мужиков:

«Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: "Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! Что вы, сердечные мои, поделивали на веку своем? как перебивались? <...>

Григорий Доезжай-не-доедеш! Ты что был за человек? Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогатую кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку.

Михаил Ардов (протоиерей)

Михаил Ардов – автор замечательных книг про легендарную Ордынку и «Монографии о графомане», недавно вышедшей в издательстве «Захаров».

«NG-ex libris» представляет читателям главы из его новой книги «Улыбка и мурлыканье. Заметки читателя», название которой восходит к словам Владимира Набокова: «Пьесы Гоголя это поэзия в действии, а под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи. Истинная поэзия такого рода вызывает не смех и не слезы, а сияющую улыбку беспредельного удовлетворения, блаженное мурлыканье, и писатель может гордиться, если он способен вызвать у своих читателей, или, точнее говоря, у кого-то из своих читателей такую улыбку и мурлыканье».

Книга «Улыбка и мурлыканье», как почти все, что пишет Михаил Ардов, озарена присутствием великолепной Анны Андреевны.

В свое время в архиве Ахматовой был обнаружен, а затем и опубликован любопытнейший прозаический отрывок:

«Итак, в 8-й главе между Пушкиным и Онегиным можно поставить знак равенства. Пушкин (не автор романа) целиком вселяется в Онегина, мечется с ним, тоскует, вспоминает прошлое:

То видит он врагов забвенных, Клеветников и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круж товарищей презренных...

Разве это не пушкинские воспоминания? Никаких презренных товарищей у пустынного Онегина мы не знаем. Каверин? Автор романа? В никаком кругу этот нелюди как будто не враждовал. И разве не так на два года раньше, в 28 году, вспоминает сам Пушкин свою жизнь? Ср., например, «Воспоминание», где в той же тональности сказано почти то же самое:

Я слышу вокруг меня жуужанье клеветы Решенья глупости лукавой, И шопот зависти, и легкой сумяти

Упрек жестокий и кровавый, — (1828)

и уже в 1820: «И вы забыты мной, изменницы младые» («Погасло дневное светило»). И в 1821: «Мой друг, забыты мной следы минувших лет».

Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает

Ахматова говорила: «Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает ему собственных «изменниц молодых»

ему собственных «изменниц молодых».

Последняя фраза приводит меня в восхищение.

Не так давно я припомнил эту запись Ахматовой в то время, как в очередной раз перечитывал «Мертвые души». Там есть одно удивительное место – Чичиков сидит в гостиничном номере и рассматривает списки умерших мужиков:

«Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: "Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! Что вы, сердечные мои, поделивали на веку своем? как перебивались? <...>

Григорий Доезжай-не-доедеш! Ты что был за человек? Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогатую кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку.

Михаил Ардов (протоиерей)

Михаил Ардов – автор замечательных книг про легендарную Ордынку и «Монографии о графомане», недавно вышедшей в издательстве «Захаров».

«NG-ex libris» представляет читателям главы из его новой книги «Улыбка и мурлыканье. Заметки читателя», название которой восходит к словам Владимира Набокова: «Пьесы Гоголя это поэзия в действии, а под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи. Истинная поэзия такого рода вызывает не смех и не слезы, а сияющую улыбку беспредельного удовлетворения, блаженное мурлыканье, и писатель может гордиться, если он способен вызвать у своих читателей, или, точнее говоря, у кого-то из своих читателей такую улыбку и мурлыканье».

Книга «Улыбка и мурлыканье», как почти все, что пишет Михаил Ардов, озарена присутствием великолепной Анны Андреевны.

В свое время в архиве Ахматовой был обнаружен, а затем и опубликован любопытнейший прозаический отрывок:

«Итак, в 8-й главе между Пушкиным и Онегиным можно поставить знак равенства. Пушкин (не автор романа) целиком вселяется в Онегина, мечется с ним, тоскует, вспоминает прошлое:

То видит он врагов забвенных, Клеветников и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круж товарищей презренных...

Разве это не пушкинские воспоминания? Никаких презренных товарищей у пустынного Онегина мы не знаем. Каверин? Автор романа? В никаком кругу этот нелюди как будто не враждовал. И разве не так на два года раньше, в 28 году, вспоминает сам Пушкин свою жизнь? Ср., например, «Воспоминание», где в той же тональности сказано почти то же самое:

Я слышу вокруг меня жуужанье клеветы Решенья глупости лукавой, И шопот зависти, и легкой сумяти

Упрек жестокий и кровавый, — (1828)

и уже в 1820: «И вы забыты мной, изменницы младые» («Погасло дневное светило»). И в 1821: «Мой друг, забыты мной следы минувших лет».

Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает

Ахматова говорила: «Пушкину для Онегина ничего не жалко – он даже отдает ему собственных «изменниц молодых»

ему собственных «из